

ПОСЛЕ ночного марш-броска по раскисшим проселкам капитан Ширшов, в роте которого шел Володька вместе с каким-то старшим лейтенантом, тоже не имеющим подразделения, пригласил их в свою землянку. Взял он к себе и одного взводного, молоденького лейтенанта, с которым на марше сделалось плохо и который сейчас, дрожа всем телом, забился в угол, прикрыв лицо воротником шинели.

На марше и на коротких десятиминутных привалах было не до разговоров и знакомств. Теперь же, немного отдышавшись и придя в себя, они стали присматриваться друг к другу.

— Ну давайте, что ли, знакомиться, — начал первым старший лейтенант. — Закуривайте, — и он широким жестом бросил Володьке — ближнему от него — расшитый кисет, оглядев всех голубыми навывкате глазами.

— Давайте, — сказал капитан.

— Гвардии старший лейтенант Атласов. По-простому — Генка. Сижу, значит, на губе, дело на меня шьют, и вдруг — битте-дритте — в колонну по четыре становись, к вам, товарищ капитан, в роту. А кем, неизвестно?

— Пока рядовым, старший лейтенант. Если в бою будут потери командного состава, примете либо взвод, либо роту.

— Рядовым, значит? Ну что ж, это лучше, чем с трибуналом дело иметь. Убьют так убьют, а ранят — дело, наверно, прикроют. Так, капитан?

— Возможно.

— А за что под следствием? — спросил Володька, с которым произошло то же самое: с полковой губы — в марш-бросок с Юлькиной частью.

— А, ерунда, — махнул рукой Генка Атласов. — Станул с одной на отдыхе, а она вдруг с заявлением, что я силой. Ну и началась волянка, — он сильно затянулся махорочным дымом, помолчал немного, затем добавил, — А теперь вот — искупай кровью! А за что? Сама со мной в лесок пошла. Чай, немаленькая, должна была соображать что к чему. Ну какая моя вина?

— Не понимаете? — спросил капитан тихо и прошелся по Генке презрительным взглядом.

— Ни черта!

— Завтра поймете. Под пулями.

— Нам это не впервой, капитан. За что только?

— Совершили подлость и не понимаете, — сказал капитан, обходя Генку взглядом.

— Потеше на поворотах, капитан. Я к таким словечкам не привык.

— А вы привыкайте... — И как бы в сторону: — Неадекват ему, что девушка эта в армии, на фронт пошла ему же помогать, его раны перевязывать... А может, и полюбить его хотела, а он... в лесок... Подлость! — повторил капитан.

Генка окинул остальных вопрошающим взглядом, стараясь угадать их реакцию. Молоденький лейтенант опустил глаза, Володька же, бросив недокуренную сигарку в сторону Генки, процедил:

— Знал бы, не взял у тебя табак у ни крохи. Один такой гад, любитель девочек, сейчас в госпитале коряжится.

— По вашей милости — в госпитале-то? — спросил капитан, улыбаясь.

— По моей...

— Понятно, — капитан участливо посмотрел на Володьку.

— Что вы, право? Честное слово, не виноват я. Сама же меня в лесок потащила. Тут, понимаете ли, такое дело, слушок был, что с командиром части она... Вот потому-то меня... Что вы? Ладно, завтра вместе в бой идти... — Генка говорил как-то распрямленно, не ожидая, видно, общего осуждения.

Володька после участливого «понятно», сказанного капитаном, подвинулся к нему. Капитан протянул руку.

— Ширшов, Иван Алексеевич.

Володька крепко пожал протянутую руку и тоже представился.

— Ничего, — сказал капитан, — обойдется, будем надеяться... Как себя чувствуете, лейтенант? — повернул он голову к своему взводному.

— Плохо, товарищ капитан. Температура, наверно, высокая. Озноб.

— А может, у тебя озноб от того, что бой скоро? — усмехнулся Генка.

— Что вы, товарищ старший лейтенант! Мне в бой обязательно надо.

— Это почему же? — спросил Володька.

— Так...

— А я думаю — не надо, — сказал Ширшов. — В санчасть я вас утром отправлю.

— Ой, не надо, товарищ капитан! Это же мой первый бой будет, и я должен...

— Ничего вы не должны, — перебил его Ширшов.

— Товарищ капитан, я прошу вас взять меня в бой. Подумаешь, температура...

— Каков петушок, — опять усмехнулся Генка. — А я думал, струсил ты. Возьмите его, капитан, пусть попробует, живым останетсЯ, второй раз проситсЯ не будет. Ты знаешь, что такое пехотная атака? Немцам за три пехотные атаки специальную медаль дают, которую они выше орденов оценивают. Понял?

— Товарищ капитан, я прошу вас... — пробормотал лейтенант, не обратив внимания на Генкины слова.

— Ладно, утром решим, — сказал капитан. — Вообще-то мне больной командир не нужен. Я вот кого-нибудь из них на ваш взвод поставлю.

— Нет, товарищ капитан, я сам пойду. Очень прошу вас. Капитан ничего не ответил и стал сворачивать самокрутку.

— И чего этот пацан в бой рвется? — сказал Генка Володьке. Володька не ответил.

Разговор на этом затух...

Ординарец Ширшова принес веток и стал разжигать печурку. Все смотрели на огонек пламени, и, наверно, всем представилось запыленное мокрым снежком поле, на котором будут они как на ладони, и страшная, жгучая команда «вперед», не оставляющая надежд. Володька заернул еще сигарку и жадно затянулся.

Молоденький лейтенант все так же дрожал, сжавшись в углу. Генка кашлянул, а капитан Ширшов, сжав пальцы, хрустнул ими.

Было тихо, только с недалекой передовой доносились хлопки осветительных ракет. И эта тишина угнетала. И потому, когда Ширшов сказал, что надо бы подумать о том, как будут действовать они завтра, все облегченно вздохнули, а Генка сразу кинулся в спор.

— Чего думать, капитан? Мы — командующие. Наше дело телячье — куда погонят, там и пасись. Винтовочку в руки, и «ура».

— Да, пожалуй, нам думать нечего, — заметил Володька, зная, что от ротных мало что зависит.

— Думать всегда надо, — не согласился Ширшов. — Доложу вам, что никакой поддержки нам не будет. Наш батальон пойдет не в наступление, а в разведку боем...

— Откуда ты это знаешь, капитан? — дернулся Генка.

— Знаю, — не стал распространяться тот.

— О таком ротным не сообщают, — заметил Генка.

— Да, конечно, но я знаю. Командование не рассчитывает, что мы возьмем эти деревни. На них готовится большое наступление, а вот разведку боем будем вести мы. А если возьмем эти деревни?

— Брось, капитан, — махнул рукой Генка. — Слышал я, что

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

Героем моей новой повести «Встречи на Сретение» является Володька-лейтенант, знакомый читателям и по «Сашке», и по «Отпуску по ранению». В публикуемом отрывке рассказывается об одном бое из многочисленных, проведенных Володькой за войну, но бое для него особом, в котором должен искупить он вину за совершенный в минуту отчаяния проступок. И, как всегда, проведет он этот бой достойно, смело, оставаясь самим собой.

Бои, бой... Но повесть «Встреча на Сретение» — не только

И СНОВА АТАКА

о войне. Она и о первых послевоенных месяцах, о вхождении в мирную жизнь героев, ушедших на войну юношами и ничего, кроме войны, не знавших. И вот — мирная жизнь, мирные будни... Как-то непривычно, даже неуютно, надо жить без приказов вышестоящих начальников, надо думать о хлебе насущном, короче — все решать самому за себя. И некая растерянность у некоторых: казалось, что самое ГЛАВНОЕ в своей жизни камдшй из них совершил, а что делать дальше, как жить?

Но все и не у всех получается складно и сразу. Это естественно. Война, захватившая юность, война тяжелая, кровопролитная не могла пройти бесследно. Вхождение в мирную жизнь был процесс нелегкий, особенно для тех, кто не успел получить еще профессии, кто ушел на войну со школьной или студенческой скамьи. Но мы знаем, что воевавшее поколение, вступив в мирную жизнь, сделало так много, что можно говорить о втором, уже послевоенном подвиге, совершенном им.

Полностью повесть публикуется в журнале «Дружба народов».

АВТОР

здесь не одна часть наступала и ни хрена не вышло... Лично у меня лишь одна мыслишка — ранило бы, да не очень сильно, — вот и испулил кровью!

— Ваши личные мысли меня не очень интересуют. Нам боевую задачу надо решить.

— Какую задачу, когда сам сказал, что разведка боем? Покоряемся на поле под огнем, засекут наши наблюдатели их огневые точки — и отход. Матушка пехота, ползи обратно, кто живой. Вот и все.

— Вот этого-то и не хочется, — сказал Ширшов и задумался.

Володька подсел к молоденькому лейтенанту. Того бил озноб, почти детское личико пылало жаром.

— Закурим, лейтенант, — предложил Володька.

— Нет, не хочется...

— Как звать-то?

— Вадимом.

— Чего в бой стремишься? — спросил Володька, решив отговорить этого пацана — уж больно он был жалок и юн.

— Мне надо... Я орден должен получить — во что бы то ни стало.

— Орден? — усмехнулся Володька. — Своей девчонке обещал героем вернуться, что ли?

— Нет, — покачал тот головой. — Лишь бы не убило... раньше времени. — как-то отрешенно и очень спокойно сказал Вадим, так сказал, что Володьку передернуло, и он отвел взгляд. Володька посмотрел на интеллигентное личико этого мальчика и понял все.

Ширшов сидел, сжав пальцы рук, потухшая сигарка торчала в тонких губах. Глаза были прикрыты, но он не дремал.

— Что надумал, капитан? — небрежно спросил Генка.

— Разве мы с вами на «ты»? — приоткрыл глаза Ширшов, почему-то только сейчас обративший внимание на это, хотя Генка и до этого говорил ему ты.

— А чего нам выкать? На меня аттестация послана, тоже скоро четвертую звездочку повесят.

— Вы у меня в роте, и рядовым пока, прошу не забывать этого.

— Ладно, учту, капитан, — буркнул недовольно Генка и отвернулся.

Полог из плащ-палатки, закрывавший вход в землянку, открылся, и по земляным ступенькам стал спускаться к ним молодой, розовощекий командир батальона в лихо заломленной кубанке, из-под которой явился светлый чуб. Володька обратил внимание на него еще на марше — лихой парень. Все привстали, но комбат остановил:

— Сидите, — и сам присел на корточки около печурки. — Курите, — вытасил он пачку «Беломора» и протянул присутствующим. — Что, капитан, с этими... гавриками будем делать, — кивнул он на Генку и Володьку и усмехнулся. — Также мне герои: один старшего по званию исколошматил, второй того хуже...

— С ними все ясно, товарищ капитан, — пойдут рядовыми.

Я вот все думаю... Обидно же людей под пули просто так, ради разведки. Взять бы нам эту деревню проклятую.

— Взять? — поднял бровь комбат. — Ты же знаешь, сколько раз ее брали.

— Без ума, значит, брали, — ответил Ширшов.

— Придумал что-нибудь?

— Да... В сорок втором была такая же ситуация в той части, где я служил, — брали, брали, и все без толку. А пришел новый комбат, знаете, что сделали?..

— Что? — живо спросил комбат.

— К концу ночи вывели батальон на исходную и, пока темно, проползли сколько можно, пока не обнаружили нас, а потом в атаку, молча, без всяких «ура» и... без перебежек.

— Без перебежек?

— Да... Так договорились. Как поднялись, так до самых врагов в рост, бегом.

— И получилось?

— Да, получилось. И потерь, кстати, было немного. Немцы очнулись, когда мы уже полпути прошли. Бежали быстро, они не успевали менять минометные прицелы. Все поле — бегом, без остановок. Полагаю, раз такое получилось у одной части, может получиться и у нас. Уж больно неохота людей гробить ради каких-то двух-трех огневых точек.

— Что ж, капитан, надо это дело обмозговать. Пойдем-ка со мной в штаб, поговорим с офицерами. А вы, — обратился он к Володьке и Генке, — чтоб героями в наступлении. Поняли?

— Поняли, — ответил Генка, ослэбшая.

Комбат с Ширшовым ушли. Генка подсел к Володьке и сказал:

— Не нравится мне сия затея.

— Почему? — спросил Володька.

— Почему? Так это же смертоубийство! В рост до самых немцев. Это же вроде психической получается.

— Вроде психической? — встрепетнулся Вадим, сказав это с каким-то замиранием в голосе.

И угадал Володька, что закрутились перед глазами лейтенанта кадры из «Чапаева», в которых шагают капеллецы под барабанный бой... Нет, не так они пойдут. Они побегут, рассыпавшись

— Не думай об этом, — перебил Генка. — Я сам надеюсь, что не приберет, но... на всякий случай, как говорится, Галине Велиховой. Разобрал, что я нацарапал?

— Разобрал.

— Понимаешь, не путался она с комполка... Это я так, чтоб себя оправдать. — Он помолчал немного. — Знаешь, что еще отпиши? Что ежили в живых останусь... женюсь на ней.

— Ну это ты сам уж, раз живой останешься, — не смог не улыбнуться Володька.

— Да, верно, заговорился... Отпиши все же, что любовь у меня была, но вот по-хорошему не смог, поторопился... Ведь под смертью ходим, вот порой и... — он махнул рукой.

— Значит, как в психическую, — повторил Вадим.

— Да, малыш, вроде этого. Ладно, была не была, — сказал Генка знакомые, неизбежные слова, которыми всегда успокаивают себя солдаты перед боем.

...После слов Генки Атласова «была не была» разговор угас. Все молча смолкли самокрутки. Через полчаса вернулся капитан Ширшов и сказал:

— Наше предложение командованием принято.

Он не сказал «мое предложение», сказал «наше», и всем в землянке показалось, что и верно они все надумали эту пред- рассветную отчаянную атаку без перебежек.

— Начнем затемно. Вначале ползком, пока немцы не обнаружат. Надеюсь, метров двести — триста мы таким макаром продвинемся, ну а потом... Потом только бегом, молча, без «ура» и перебежек, — тихо, но отчетливо произнес Ширшов. — Сейчас комбат и его заместитель доведут до всех это решение. Итак, товарищи, все зависит от нас самих. Возьмем деревню?..

— Яснонько, капитан! — воскликнул Генка.

— Мне надо быть первым, — вырвалось у Вадима, видать, непроизвольно, так как он сразу смутился, покраснел и опустил голову.

— Дашь, младшой, — усмехнулся Генка.

— Всем надо быть первыми, — спокойно и веско бросил Ширшов, словно точку поставил.

Заснуть Володька не мог. Не спали, как казалось ему, и остальные. Так, подремывали, может, с потухшими сигарками в зубах. Несколько раз постанывал Вадим, иногда глубоко всдыхал Атласов. Капитан Ширшов сидел у печурки, глядел в огонь и беспрерывно курил.

...Тихое «подъем» сразу подняло всех на ноги. После тепла землянки обожгло холодом. Холодом изнутри и снаружи — наступает самое главное. Сейчас они выйдут к полю и... поползут... А затем атак!

Подтянувшись к кромке леса, держа интервал, по шепотливой команде «вперед», передаваемой по цепи, они поползли... Поле было в серой предрассветной дымке... Немецкие ракеты все реже и реже взлетали в небо, уже бессильные пробить своим светом предутренний туман. Батальон полз, полз быстро, умело хоронясь за трупами, и Володьке думалось, что метров на двести, если не больше, они продвинулись. Деревня все яснее и яснее вырисовывалась острыми крышами изб... Скоро, скоро надо будет подниматься в атаку... Рядом полз Генка, с другой стороны — Вадим.

— Ну, значит, в последний, решительный? — прошептал Генка, криво усмехнувшись.

И сразу же после его слов с левого фланга немецких позиций застрочил траассирующий пулемет. Красные нити заметались над людьми — надо подниматься. Без всякой команды, как один, поднялись с земли и побежали... Поначалу бежали молча, потом кто-то выругался, а за ним и другие...

Немцы усилили огонь. Вся немецкая передовая расцветилась огоньками выстрелов, но рев матерных восклицаний, густо нависший над полем и перекрывающий, пересиливающий пулеметный бред, дал понять немцам, какая атака началась, и огонь начал угасать, а мины, перелетая, рвались уже позади батальона. Володька видел, как немцы стали покидать свои позиции — орущие, с разодранными ртами и налитыми кровью глазами солдаты приближались к их окопам.

Володька бежал, запыхавшийся от быстрого, безостановочного бега, но внутренне почему-то очень спокойный, почти уверенный, что его сегодня не убьют... Соскочив в немецкий окоп, он наткнулся на здорового фрица, бросившегося к нему с винтовкой, нацеленной штыком в живот. Вот когда впервые за всю войну пригодилось Володьке фехтование на штыках, которым с увлечением занимался в дальневосточном полку, он отбил аниз винтовку, и ее штык только чуть скользнул по ноге.

Ударом приклада по виску свалил немца, а потом выстрелил в упор. Вискохнул из окопа, он побежал дальше, догонять других, уже забрасывающих гранатами избы деревни...

Немцы бежали полураздетые, отстреливались, но бебят уже не остановить — минут через двадцать деревня, за которую по- ложили столько жизней, была взята!

Несколько десятков человек в запале боя бросились преследовать немцев уже за деревней, но их остановили. Подоспевший к тому времени станковый пулемет расстреливал бегущих в спину, пока не добежали они до небольшого леска и не скрылись в нем... Все было кончено. Была победа!

Володька снял сапог, хотел задрать штанину, но рана оказалась почти у самого бедра. Пришлось спускать бриджи. На левой ладке, залитой кровью, он увидел рваную полоску сантиметров пять, но, по всей видимости, не очень глубокую. Достав индивидуальный пакет, он перевязался сам и, чуть прихрамывая, пошел к капитану Ширшову, стоящему рядом с командиром батальона. У того было радостное раскрасневшееся лицо, кубанка небрежно еле держалась на голове, а выбившийся светлый чуб полоскало ветром.

— Вышло черт возьми! Вышло! Ну, капитан, прошла твоя задумка. Благодарю, — говорил он Ширшову, а когда увидел прихрамывающего Володьку, спросил: — Что, долбануло? Сильно?

— Ерунда. Царапнуло штыком ладку...

— Все равно испулил кровью. Или в тыл... Надо же, взяли все-таки! Эту деревеньку чертоту! Взяти!

Володька побрел уже спокойным, несчастливым шагом через то поле, по которому они неслись всего полчаса тому назад, и даже не верилось в это, будто все во сне... Потерь в батальоне было немного, но все же несколько убитых увидели он на поле. И среди них Вадима. Он лежал на спине с полукруглым под- детским отом, раскинув как-то беспомощно ручки... Володька нагнулся, закрыл ему глаза, накрыл лицо шапкой. Потом взял его винтовку и двинулся дальше. Очень жалко, конечно, этого маль- чика, но столько смертей уже видел Володька, что притупились чувства, да и знакомы-то были они всего два дня...

— Погоди, старшой! — услышал он сзади крик, сразу узнал голос и остановился.

Генка с перевязанной ручкой подошел и с распывшейся по всему лицу улыбки обнял Володьку.

— А молодцы мы! А? Разве не так? Здорово мы их, гадов, разделили!

— Здорово! — ответил Володька. — Тебе свернуть?

— Да. Самое время покурить.

Они присели прямо на землю и, запалили. И только тут почувствовал Володька огромное облегчение.

— Повезло нам, Генка! — Володька хлопнул его по плечу.

— И не говори...

Рисунок А. Остроменникова

редкой целью, и бегом, бегом, что есть мочи, не останавливая- сЯ ни на секунду, скорей, скорей к той деревне, где ждет их... рукопашная...

Генка еще ближе подвинулся к Володьке и тихо сказал:

— Понимаешь, старшой, вижу, что заваривается здесь серьезное. Так просьба у меня к тебе. Тут я вот адресок нашей части нацарапал... В случае чего отпишешь Галке, что очень сожалел Генка Атласов в последнюю минуту о случившемся, что просит...

простить... Ну и что испулил, значит, кровью, жизнью своей молодой свою вину. Отпишешь?

— Отпишу, если...